

Ольга Борисова

Убегать непросто

От себя или к себе?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ольга Борисова
Убегать непросто

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Борисова О. И.

Убегать непросто / О. И. Борисова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Сонное спокойствие сибирского городка прервано невероятными событиями. Похищают девушку, и против китайца, что решил защитить честь народа таким способом, восстает весь город. Но спасти ее сможет только молодой дизайнер Денис, из-за поста которого и разгорелся скандал, и невесть откуда взявшийся призрак прошлого Илья. Гаджеты - спасают или губят? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Из дневника И.Б.	14
Глава 2	15
Из дневника И.Б.	21
Глава 3	22
Из дневника И.Б.	29
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пролог

Приветствую тебя, мой дневник и тот, кто однажды это прочтет! Я надеюсь, это случится до того, как его уничтожит время. Как-то там у вас, в мире нового времени? Я все время пытаюсь представить и не получается – темнота только. Я решил иногда писать здесь кое-что о своей жизни, чтобы не исчезло из памяти нужное.

Че сказать о себе? Меня зовут Илья, и мне девятнадцать лет. Я работаю в банке, и недавно еще стал помощником секретаря в Союзе Трудящейся Молодежи! У меня скоро свадьба. Зина – удивительная. Если бы я мог ее описать... Но я не поэт. Мы с ней часто представляем, как будут жить люди через сто лет, и я надеюсь, что будущее будет светлым. Мы хотим много детей, и я уверен, что ты – один из потомков нашего рода.

Пацаном я жил в Овсянке, с бабушкой и отцом. Мать умерла в родах после меня. Колодец от нашего дома стоял очень далеко, через несколько домов. У меня немели плечи, и я часто наливал только половину ведер. Бабушка, посмотрев на меня, брала коромысло и говорила, «сильная рука – сама владыка». Однажды она сказала, будто через сто с гаком лет вода будет в доме бежать. В специальном месте каждый колодец, и ведер не надо. Чудно! Я представлял, как она бежит-бежит, разливается по полу, топит дом, да и думал: а чем река не вода в доме? На нашей пичужке вон и построить избу. С тех пор, если видел, что таскают воду бабы, зубоскалил про краны. После третьего класса меня отдали в торговый банк, который тогда только-только открылся, в Красноярск к дальнему дяде. Я поселился в каморке в его доме, а у него уже был водопровод. Удивительно было узнать, что у кого-то уже есть горячая и холодная вода в доме, можно в ней лежать, и смешивать ее до температуры, когда тело приятно щиплет.

Теперь-то уж я многое умею: и красиво писать, и складывать один к одному, не зря же стал проводить операции. Мы с Зиной снимаем каморку у одного торговца– кондитера, правда, совсем не развернуться, но зато уже купили стулья. Вчера приехал друг из Петрограда, говорит, у них там туго с едой и одежкой, а вместо алкоголя народ повально балуется кокаином. Хорошо, что мы далеко от всех этих событий! Но и у нас становится беспокойно. Белые никогда не дадут спокойно жить...

Глава 1

– Как всегда, облепиху, пожалуйста, – оторвавшись на секунду от ноутбука, сказал парень.

День был в самом сердце рабочего времени, и кофейня пустовала. На диванчике в конце зала сидела компания студентов с чайником чая на столе, официантка со вчерашними кудрями сонно ковырялась в соцсетях. Блаженно. Он работал с удовольствием, не отрывая пальцев от потертой мыши. Когда принесли чайник, вскрыл две упаковки сахара, всыпал их, перемешал длинным краем ложки и вернулся к работе. Официантка бросила взгляд на экран и едва заметно улыбнулась. Новый шедевр. Вот сейчас он закончит, позовет ее, как обычно, заказать тыквенный суп, и ненароком спросит: «Энни, как вам?» А она, едва поняв смысл написанного, ответит: «офигенски».

Только этот кареглазый знал, что Аня ненавидела свое имя. Он ворвался в кофейню вместе с очередным порывом ветра. По капюшону изумрудного цвета катились крупные капли, он явно промок, но глаза сияли победой. Она тогда еще подумала о том, что у тигра глаза того же оттенка. Губы вот только были слегка тонковаты и, как будто, он все время поджимал их. Будто бы она будет с ним целоваться! Она тряхнула головой и подошла к нему, предложив столик. Он, придиричиво оглядел столик, словно не веря, что он удобный, все-таки сел и тут же достал из-под худи ноутбук, осмотрел его бережно, и положил перед собой. Схватив салфетки со стола, он яростно вытер пару мокрых разводов на нем и только после этого принялся за карту. Аня почувствовала к нему симпатию – ей вообще нравились люди, которые прикипают к вещам. Он едва поднял голову, а она уже стояла рядом.

– Здравствуйте. Меня зовут Анна, и я сегодня буду вашей официанткой.

– Денис. – сказал он. В первую секунду она не поняла, что он называет свое имя, и попыталась вспомнить, что у них в меню есть подобного. Он, тем временем, продолжил. – Как будет лучше вас называть?

Никто из клиентов не спрашивал Аню, как она хочет, чтоб он ее называл. Да она и сама не рвалась к беседам. Но этот парень... Весь облик его дышал свежестью, хотелось сесть рядом и просто выпить кофе. Они подружились, как считала Аня, и недавно он даже добавил ее на фейсбуке. Иногда она немножко мечтала, чтобы он пригласил ее в парк. Он приходил обычно днем и подолгу работал. Со временем он стал показывать ей свои работы, и она всегда подбадривала его, хоть юмор был ей и не близок. Он всегда был сосредоточен, спокоен, собран как перед забегом на дистанцию, и, когда он однажды просидел полчаса, не прикасаясь к своей футбольной мышке, она забеспокоилась.

– Могу я чем-то помочь?

– Энни, – тут же откликнулся он, – что вы думаете о цветах?

Она подавила вздох радости – наконец он пригласит ее!

– Я... Я их очень люблю, – промямлила она.

– Все их любят. Но что можно о них пошутить?

Это был первый раз, когда Аня всерьез обиделась. Но, в общем и целом, она продолжала мечтать о том, как его пепельные вихры однажды расползутся по ее подушке.

Сам же Денис ни на минуту не подозревал о мыслях девушки. В эту кофейню его манил облепиховый чай, напоминавший ему вечера у бабушки. Дома, как он ни старался, повторить такое удалось только раз. И то, облепихи пришлось купить столько, что дешевле вышло бы три чайника распить. В ту кофейню его действительно привел случай, именуемый дождем. Он предпочитал работать и обедать дома, чтобы не сталкиваться с лишним шумом, который не даст сосредоточиться. И в тот день, топая по длинной улице, полной магазинов и кафе, он

лишь искал кратчайший путь к остановке. Он, конечно, надеялся успеть до того, как хмурое небо разрешится девичьими слезами, и не обращал внимания ни на кучку студентов у входа в институт, что дымила в неполюженном, ни на ежегодную смену бордюров, и, уж тем более, на то, как талантливо машет бедрами девушка чуть правее его. Чуть тронув каплями, дождь начал рушиться стеной и он, чертыхнувшись, рванул в самое ближайшее, что было.

Ноутбук не пострадал. Больше всего в эти секунды Денис волновался за то, что ноутбуки последних месяцев пропадут. Он все собирался скинуть их на флешку, но каждый раз она была занята то очередным фильмом на вечер, то папой, который досматривал фильмы за него. Информация лежала себе, конечно, в дроббоксе, но это как с банком – кто знает, что будет с ним завтра? Сегодня ты еще мысленно тратишь трудовые денежки, мирно собирающие проценты у банка, а уже завтра твоей карточкой можно только колбасу резать. Денис изнывал от необходимости двигаться вперед, но пока не был уверен в своих силах, и в миллионный раз в свободное время исправлял одни и те же черновики. Намочи он своего друга и... В общем, кофейня спасла его в тот день, и все вокруг стало радужным. Уютными показались коричневые круглые столы с такого же цвета узкими стульями, выцветшие от солнца когда-то бывшие модными плакаты, даже герань в окнах показалась ему приветливой, поэтому и с Аней он был предельно обаятелен.

Но, уж если быть честным, Денис не был душой компании. В универе о нем говорили: «норм пацан». Но, если спросить у них, с кем он дружил, с кем сблизился, то в ответ можно было получить лишь недоуменное пожатие плечами. Являя собой довольно закрытое существо, он не получал приглашения на многочисленные тусовки, от чего и друзей у него после диплома не осталось. Так, пара приятелей, с которыми можно было выпить в баре, но один уже давно в Нью-Йорке, а второй женился и стал дважды папашей, что равносильно отъезду за рубеж. Впрочем, его это не смущало. Единственный человек, с которым у него возникала постоянная потребность пообщаться, был его школьный друг Веня. Но Веня выбрал пещерный образ жизни – вернее, походный. Стал инструктором по спелеологии и с тех пор регулярно не выходил на связь, отправляясь то на две недели, а то и на два месяца по сложным маршрутам. Денис от одиночества не страдал, успешно плавая по Интернету, скорее, он радовался тому, что у него есть много времени для творчества. Сколько его однокурсников работает простыми недалекими маркетологами, не особо заморачиваясь на теме карьеры? У них у всех личная жизнь, дружеские отношения, какие-нибудь отдыхи на море. А у него, у Дениса, есть большая мечта! О том, что и он всего-навсего пишет мемы для десятитысячного паблика, он почему-то не задумывался.

Глянув в угол монитора, он подозвал Аню (как по-дурацки называть себя на иностранный манер!) и заказал чашку эспрессо. Спать хотелось адски. Обычно перед работой Денис не позволял себе поздно ложиться, но он так завис на последних сериях «Гинтамы»¹, что совсем забыл о времени. Клялся, конечно, что только одну посмотрит, но даже в туалет не выползал. Еще пятый сезон смотреть... Чертов Веня! Подсадил его на аниме, теперь уж не отвертишься. Раньше Денис знал только Сейлор Мун да Кэнди – Кэнди, но Веня заставил его посмотреть пару серий «Тетради смерти»², и, одолев историю Лайта, он жадно погрузился в мир рисованной жизни.

Расплатившись, он прошел мимо баристы с помощником и заметил, что они играют в детское домино. Бариста как раз обнаружил среди своих фишек утенка и победно положил рядом с другим желтым. И вправду, что еще делать в полупустой кофейне в такую рань? Он не спеша добрал до остановки, растягивая время, чтобы дослушать слотовского «ангела» и почти

¹ «Гинтама» – японская комедийная манга, по которой был снят одноименный сериал, который и смотрит Денис.

² «Тетрадь смерти» – наиболее известный в России аниме-сериал, крайне любимый японцами сюжет манги, по которому сняты и игровые фильмы, и видеоигры, и лайт – новеллы.

сразу прыгнул в автобус. Торопливо прошел к окну, сейчас будет самая приятная часть поездки – через мост. Он любил всматриваться в широкие воды реки, ловить себя на мысли о том, что было бы, рухни они сейчас всем автобусом в воду. Может, та светловолосая, с розовой безвкусной сумкой, выбралась бы первой, потому что сидит у аварийного окна? А, может, мужчина с тростью оказался бы превосходным пловцом? Успела бы толстушка достать ребенка из этой гробовой коляски? Вот уже впереди замаячило трамвайное кольцо, заставлявшее водителей нервничать из-за объездов. Ему нравились грохочущие металлом по рельсам, полупустые громады, в которых не трясет, но не так часто удавалось оказаться в них в тишине, как минимум, потому, что рельсы через мост разобрали уже лет как тридцать. Проехав три остановки после моста, он выбрался наружу. Поборолся с совестью, вспоминая, что в доме кончился даже кофе, он убедил себя, что лужа возле магазина, никогда не высыхающая то ли от тени, то ли потому, что дом стоял на болоте, непреодолима и забежал в ларек, где цены были на порядок выше.

У ларька резвились дети. Денис заметил, что дочка его соседки, Лола, тоже была тут и неизменно в босоножках. В любую погоду! Дети играли в мяч почти у дороги. Это, впрочем, не удивительно. В этом районе серых пятиэтажек, еще советского периода, выстроенных для молодых рабочих семей, детские площадки представляли из себя парочку качелей да невнятные железные конструкции, кажется, для лазания. Строители, словно бы забыв, что тоже когда-то были маленькими, настроили коробки одну за одной, отделив друг от друга лишь дорогами. В их доме последние года два активисты собирались потратить деньги капфонда на городок, но пока еще находились на стадии борьбы с автомобилистами, которые на эти же деньги хотели бы построить себе стоянку. Вот и приходится детям искать развлечения, где придется. Денис, например, прятался у мусорных бачков, изображая человека-паука, а Венька вечно гонялся за кошками с вилкой, крича, что он Альф.

Время поджимало и, вернувшись, он ушел с головой в работу. Это только кажется, что придумать мем и нарисовать – пара пустяков. Денис поначалу так и думал. Амбициозный выпускник пиар-факультета, он верил, что реклама до него не имела талантов. Может, и были какие энтузиасты типа Селфриджа или Бачевского, но он, Денис Гольдман, устроит такие рекламы, каких свет не видывал! Он с энтузиазмом брался за любые подработки еще в институте и даже вел аккаунт одной звезды, поэтому к диплому уже ощущал себя опытным работником. Время, впрочем, быстро стерло с его самоуверенности налет. Он поработал на рекламе у нескольких компаний и везде свободу мысли подавляли желания клиента. Мечты устроить запредельную пиар-компанию где-нибудь в воздухе да со стрельбой тортами разбивались о суровые прайсы. В конце концов его доконало согласовывать официальную смету в миллионе инстанций у предприятий, и он решил сосредоточиться на соцсетях. Здесь было чуточку свободнее, да и работа попадалась разная: то фотки в мамский инстаграм красиво подписывать, то сочинять слоганы для спортивного питания, а то и целую статью со скрытой рекламой накропать.

Последний год он работал над мемами для юмористического паблика. Платили там очень и очень неплохо, и он быстро набил руку. У работы этой, как и у другой, были свои минусы. Например, повторяться было нельзя ни в одной шутке, и сортирного юмора его работодатель не терпел. Собственно, сам паблик был одной из пиар-ветвей радиостанции, так что Денис уже подумывал пойти на стажировку ведущим, но все-таки манило его совсем другое. Чем больше платили в этом паблике, тем реже он брал фриланс, придумывая для паблика все новые и новые инструменты для развития. У него, как и у любого человека, была мечта. А у него была мечта пиарщика. PROBA AWARDS. Крупнейшая премия для специалистов по связям с общественностью, которая сотрудничает с зарубежными премиями. Обычно в ней участвуют целыми компаниями, но есть там пара номинация, куда он может попретендовать. Для этого ему необходимо заслужить доверие начальства, а они-то имеют большие связи... Если удастся, то для него будут открыты все пути. Любая идея пиара без особых согласований. Кто же отка-

жет специалисту года по версии PROBA AWARDS в полете фантазии? Это будет не тренд. Все бюджеты. И – как итог – переезд. Об этом Денис думал чаще всего. Открывал окно, вдыхал утренний выхлоп заводов с черного неба, и мечтал. Смотрел на квадрат кальянищиков на фоне быстрого течения реки на набережной, и мечтал. Верил, что однажды сядет в метро, а не в автобус, приедет на встречу вовремя, а не трижды прослушает «pendulum» в ожидании рассасывания машин впереди. Он родился и вырос в этом городе, но всегда считал его чем-то вроде вокзала, на котором ночует. Люди казались ему серыми, недалекими, бесцельными. То ли дело Москва, Питер! Он видел себя у фонтанов Петергофа с кружкой латте ранним промозглым утром... Спроси его кто-нибудь, что мешает взять билет на утренний рейс «Победы», и он пожмет плечами. Скажет: Еще не время. Нужно подготовить почву, не ехать же в никуда». Спросит его кто-нибудь, а что не нравится ему в этом городе, он ответит: «а какие тут возможности для работы? Для жизни? Захолустье!». При этом глаза его заблестят на секунду, на самое мгновение, в котором почувдится, что город-то он любит больше всего на свете.

В кармане завибрировал телефон. Отец.

– Пап?

– Здоров, сын, чем занят?

– Работаю, папа.

Их разговор всегда начинался с этого вопроса, и, ответив обычным образом, Денис уже ожидал ответа. Он беззвучно повторял его, зная наизусть.

– Работаешь? А что делаешь? Картиночки для интернетов рисуешь? Разве это профессия... Вот пекарь – профессия. Бухгалтер – профессия... А у тебя баловство одно.

– Ты по делу или соскучился? – решил пропустить обязательную часть спора Денис. В этом месте он должен был напомнить отцу, что сам оплачивает аренду квартиры, сам купил в нее мебель и стиралку, живет на самообеспечении и вообще недавно добавил им денег закрыть кредит. Отец же в ответ неодобрительно хмыкал и добавлял что-то насчет жены, которую стоило бы завести и вот с которой хрен ты прокормишься на свои картиночки. Денис отца любил и прощал ему нелюбовь к его выбору в жизни, но сегодня настроение было так себе.

– Хотел позвать шкаф собрать, – сказал отец.

– А сам?

– Да я, ты же знаешь..., – замылось в трубке.

Беззлобно посмеявшись, Денис согласился. Отец всю жизнь проработал строителем, что не помешало ему быть беспомощным в домашней работе. По правде сказать, он не столько не умел, сколько не хотел. Вот и сейчас небось не тот болт закрутил, разбираться лень, вот и собрать не может. Мамин помощник.

Захотелось кофе, и он потопал в кухню, как всегда, зацепив бедром стол, сделанный в виде барной стойки. Угораздило же хозяев сделать ремонт в стиле «лофта»! Не сказать, что он был совсем недоволен, но расстояние между холодильником и длинной доской было таким, что толстеть не полагалось ни Денису, ни его гостям, если они рассчитывают добраться до плиты. Больше всего в этой квартире ему нравилось трехстворчатое окно, выходившее во двор. Третий этаж позволял рассмотреть всех, кто сидел на площадке, а забор не давал возможности въезжать машинам. Ему нравилось слышать днем голоса детей, шумно спорящих о мировых проблемах, он любил и бабулек, что вечно кудахтали на лавке. Даже алкаши, спорившие вечерами о своих сердечных делах, не докучали ему. Гораздо хуже, думал он, если бы за окном мелькали бесконечные ряды машин.

Он задумчиво рассматривал себя в серебристую поверхность гейзерного кофейника, не обращая внимания на экран ноутбука, где светилось уведомление о новом письме. Если бы он знал, как волновалась девушка, чье имя значилось в письме, наверное, он бы поторопился. Но он продолжал ждать кофе, рассматривая царапину на стекле плиты, заставляя ее рвать бахрому дыры в джинсах.

«Здравствуйте, den781!

Меня зовут Алиса, мне 19, и я студентка филологического факультета. Надеюсь, что Вы все-таки прочтете мое письмо и не отправите его в корзину, хотя я понимаю, что у вас мало свободного времени. Перейду к сути вопроса. Сейчас я работаю над курсовой, посвященной ошибкам в инстаграм – пабликах. Так как Ваше имя указано, как имя представителя «Шутки-фм», я обращаюсь к Вам. Возможно, у вас когда-то были посты, опубликованные с орфографическими или синтаксическими ошибками, и Вы сможете найти их для меня. В своей работе я хочу проанализировать реакцию читателей: замечают ли они ошибки, исправляют ли. Ну и, безусловно, хочу понять, какие в целом сейчас страдают части речи. Буду рада, если у Вас появится возможность ответить мне. С уважением, Алиса».

Она перечитала письмо еще раз и выдохнула. Кажется, получилось официально и ненавязчиво. Может, чересчур много «Вы»? Нет, вычеркивать не стоит. Должно зацепить столько личных обращений. Алисе очень нужно было, чтобы он ответил, потому что он был практически последней ее надеждой. Все, кому она уже отправила письмо, отказали ей, либо не удостоили ответом. В самом деле, говорили ей девчонки в группе, кому приятно сознаваться в своих лажах?

Она еще раз глянула на фотку в профиле, и подумала, что он немного похож на Макфэдена³, когда тот играл любимого ею Дарси.. Густые волосы, мягкий овал лица, беззащитно суженные глаза. Ну даже если и понравился – что с того? Это ведь для работы надо, не для игр... Алиса была молода и считала себя независимой от чувств девушкой. Так как филфак не предполагал наличия здоровых мужчин, представление о парнях у нее было весьма смутное. Она поделила их для себя на две категории. В первую попали ее бывшие одноклассники и друзья по лагерю. От них остались воспоминания в виде засосов на шее и нескольких совместно выкуренных сигарет. В группе же «мужчин» было двое. Один часами говорил о Толстом и карамазовской истине Достоевского, второй поступил по целевому и все время перепродавал через интернет шины и женское белье. Родители ее погибли, когда Алисе едва исполнилось тринадцать, и последние шесть лет она жила со старшей сестрой, Мариной. Той было уже около тридцати, однако она не рвалась замуж и с каждым годом, казалось, расцветала все ярче. Вместе сестры смотрелись как василек, симпатичный, но скромный и гиацинт, изысканный и самодовольный. Алиса не сомневалась в том, что Марина красивее ее и не завидовала сестре. Не всем же блистать. К тому же, мужчины в книжках куда галантнее, чем нынешние. Чего стоит один Атос....

– Учишься? – услышала Алиса.

Марина стояла в коридоре, надевая туфли. На ней было вычурное платье малинового цвета с воланами и пучок, украшенный невидимками – жемчужинками. Надо же, она так задумалась, что не заметила, как сестра успела собраться! Алиса залюбовалась ею: строгие губы, сложенные в розовую рыбку, высокие скулы, об которые можно порезаться, стройная фигура и узкие лодыжки. От нее разило сексуальностью, мужчины сражались ею намертво, но ее саму покорить было невозможно. Она любила повторять: «давай, но не отдавайся». И Алиса, со всей своей девятнадцатилетней наивностью, пока еще не вполне понимала эту фразу.

Марина победно глянула в зеркало и поправила сбившую кисть-сережку персикового цвета. Алиса позади спросила, не ответив на риторический вопрос, ибо обе знали, что учебу Алиска обожает:

– Куда собралась? На свидание опять?

– Не всем же быть умными, кому-то и красивыми, – подмигнула ей сестра и с нежностью добавила, – готовься, готовься, если мозги есть, надо их использовать.

³ Мэттью Макфэден – английский актер. Алиса имеет ввиду его роль в экранизации по книге Джейн Остин «Гордость и предубеждение», где он сыграл главную мужскую роль, мистера Дарси.

Марина слегка лукавила насчет себя. Она работала бухгалтером в типографской конторе с видом на институт Алисы. Ей нравилась работа и зарплатой, и тем, что оттуда можно быстро сбегать в кафе, где подавали отменный черемуховый пирог. И она всегда чуточку преуменьшала свои достоинства, чтобы лишний раз услышать похвалу.

– Не жди меня, ложись и допоздна не засиживайся, – уже захлопывая дверь, крикнула она Алисе, вновь уставившейся в экран монитора. И в кого у нее такая серьезная сестрица?

– Нет, Рафаэль, ты понял, ей надо ошибки поискать! – повернулся к стенке Денис, скрипнув стулом.

От хозяина, человека не очень понимающего в искусстве, осталась репродукция «Дамы с единорогом»⁴, и Денис с удовольствием созерцал строгое женское лицо в обнимку с неким чепушилой, но обращался он обычно к автору, а не к даме. Рафаэль, как обычно, высокомерно промолчал, Денис продолжил:

– Я должен поднять архивы, разыскать там косяки, и все для того, чтобы она потом за это оценочку получила? Увольте. Нет, ну решила ты такую тему взять – без проблем, но сиди и ищи сама, а то еще и на чужой шее ездит. Что? Ты говоришь, она может быть красива? Да на филфаке одни страшили учатся, и очкастые через одну. Это, может, еще в твоё время не было уродин, а у нас-то еще как!

Денис отвернулся от портрета, выразив желание закончить ненужный спор. И в этот момент он услышал голос.

– И часто ты беседуешь сам с собой, товарищ?

Денис вздрогнул и машинально посмотрел на ноутбук. На экране все также светился вордовский документ. Лампа у люстры давно уже почилла в небытие, но ему лень было покупать новую, и он довольствовался торшером, купленным по дешевке в леруа, о чем сейчас жалел. Светил он исключительно вокруг себя, поэтому приходилось таскать эту палку с лампочкой на конце за собой поверх квартиры. В данный момент торшер стоял у барной стойки, где он сидел, а комната, и коридор им были почти нетронуты.

Преодолев страх, он взял торшер и двинулся в середину комнаты. Гость обнаружился на диване. Он сидел, откинувшись на спинку, и закинув ногу на ногу, улыбался. Жидкая поросль бороденки в свете лампы отдавала золотом. Глаз было не разглядеть, зато прическа торчала высоко. Беспорядочные, давно отросшие кудряшки могли бы украсить голову писателя или художника, но в госте ощущалось нечто иное. Он с гордостью поглаживал чистую тельняшку. Денис с презрением рассмотрел холщовые брюки, слегка коротковатые в щиколотках и кургузый серый шарф с торчащими нитками. Выглядел он вполне натурально, разве что глаза по-прежнему ускользали в полутьме. Быстро перебрав все возможные варианты, Денис выбрал наиболее вероятный и спросил осипшим голосом:

– Здравствуйте. Вы, вероятно, родственник хозяина этой квартиры?

Засмеявшись простуженным хрипом, гость встал и прошел мимо Дениса в кухню. Того обдало ледяным ветерком. Гость явно чувствовал себя комфортно и прихлебывал из кружки кофе, которого дожидался Денис, с веселым любопытством разглядывая кофеварку.

– Илья, – сказал он, громко шваркнув, – живешь, что надо! Квартирка огромная, можно целый отдел заселить.

Выхлебав в два глотка кофе, он подтянул к себе кофеварку и стал сосредоточенно ее крутить. Судя по движениям, он видел впервые такой агрегат. Денис наконец отцепился от торшера и наблюдал за его руками. Странные какие-то руки. Вроде, и ухоженные, чистые, без порезов и все же что-то не так. Кажутся немного опухшими, будто в мороз он перегрел их без варежек, и они навсегда остались немного обиженными. Такие руки у... Но?

⁴ «Дама с единорогом» (итал. *Dama col liocorno*) – известный женский портрет кисти Рафаэля, написанный около 1505–1506 годов, произведение Высокого Ренессанса.

– Илья, вы что, от Ветрова, да? Он дал вам ключ? А сам он где?

Хлопнув крышкой кофейника, гость с сожалением поставил его обратно на плиту и поднял наконец глаза на Дениса. И вот теперь-то Денис увидел их: глубоко ушедшие в глазницу, испуганные, бездонной черноты. Они смотрели с затаенным превосходством, несмотря на беспомощность взгляда, словно он знал нечто такое, что Денису еще только предстояло пройти. Ему стало не по себе, и он опрокинулся на диван.

– Ни от какого я не от Ветрова. И не от хозяина. Я сам по себе. Зовут меня Илья, – подал голос гость.

Денис молчал. Если это нарик или вор, то у него должны быть сообщники. Рыпаться не стоит. Тем временем Илья достал из холодильника кусок ливерной колбасы, валяющейся уже неделю, и начал жадно откусывать. Не выдержав издевательств над приличиями, Денис взял нож и подал его гостю. Тот мягко забрал нож, и тут Денис снова ощутил ледяной холод. Почти прозрачный, невесомый, холод. Как чье-то дыхание напоследок. Илья отмахнул большой кусок и довольно, как пес, зажмурился.

– Мясом пахнет!

– Она старая, – сказал Денис, – траванешься.

– Мне уже вряд ли что-то повредит, – пробурчал с набитым ртом Илья, и Денис его услышал.

Он сел на диван, нащупал правой рукой дырку, сунул туда руку и закрыл глаза, вспоминая, сколько кофе он выпил с утра. Потом вспомнил «битву экстрасенсов». Кажется, в одном из выпусков было что-то про нечисть, домовых. Или нет, вот, наверное, тот, кто умер, изредка возвращается в свою квартиру. Когда построен этот дом? В семидесятых? Чувак молодой, может, самоубился здесь? Или, может, ему это чудится? Да нет, вот же, патлатый выбрасывает в мусорку упаковку от колбасы.

– Ладно. Я, товарищ Денис, из 1920 года, – сжалился над ним Илья. Он сел на его компьютерный стул и продолжил, – прислан к тебе ненадолго службу послужить. Ты, конечно, сейчас будешь думать, что таво... Отъехал. Если так легче, то думай. Но жить все равно пока буду у тебя.

– А зачем? – глупо спросил Денис. Глаза его оцепенели и смотрели теперь не на гостя, а на чепушилу у «Дамы».

– Я же сказал– службу послужить, – нетерпеливо повторил Илья. Он уже косился на экран ноутбука.

– Классный ответ. Сразу все стало понятно, – ответил с издевкой Денис. Понемногу он приходил в себя.

Леонид замялся, но коситься на экран не перестал.

– Ну... Там... это. Знаешь, карму надо отрабатывать. Я и отрабатываю... За это самое... За грехи. Пришлось. Маленько набедокурил я в семнадцатом... И вот тут теперь.

– Прямо из семнадцатого и прислали? – насмешливо спросил Денис.

Ей-богу, пора звонить охотникам за привидениями! Интересно, сейчас деньгами дают за это?

– Из двадцатого, – поправил Леонид, – убили меня в том году. Бродил, бродил и сказали, чтоб наверх попасть, надо отслужить. Помочь, так сказать, последующим товарищам.

– И чем ты будешь заниматься? В чем заключается твоя помощь? – спросил Денис.

В животе крутило, хотелось выпить, но для этого нужно было подняться с дивана, а он не был уверен в своих ногах.

Илья изучающе смотрел на него. Высокий, с прямой спиной. По возрасту они могли быть одногодками, но гость выглядел взрослее, мужественнее Дениса. Казалось, на нем уже лежала печать пережитого. Впрочем, у столетней тени явно есть, что вспомнить!

– Это уже от тебя зависит, чем я смогу помочь.

Заломило виски. Надо лечь спать, решил Денис. Просто лечь и все пройдет. А завтра он сходит к доктору. Или нет, он купит путевку в Тай и уедет на пару недель. Да, давно стоило отдохнуть, а то вон уже что мерещится.

– Да ты ложись, ложись, – сказал Илья, – я пока поизучаю, че у вас творится в мире.

И он снова покосился на бук. Не удивившись тому, что столетняя галлюцинация знает об Интернете, он принял горизонтальное положение и, вопреки ожиданиям, отключился в полную пустоту. Последнее, что мелькнуло в голове – не забыть утром отправить отказ девочке.

Из дневника И.Б.

Мой друг, читающий эти строки, мы с тобой уже немножко знакомы, а потом перейду непосредственно к событию, которое вызвало во мне гордость. Вчера около полудня мне удалось ликвидировать у купца Пригожаева одиннадцать пудов золота в пользу капитала банка. Нет, конечно, я немного мухлюю, был я не один, с бригадой, но все же чин комиссара торгового банка я подтвердил. И такой он мерзкий, этот Пригожаев! Все кричал мне, что Советская власть никого не уважает, что он еще с самим Пушкиным в одном доме квартировался. Я ему, конечно, не поверил – какой Пушкин в Сибири? Зине пришел, рассказал. Она-то меня и обрubiла. Лет двадцать назад был прокурором в Енисейской губернии племянник Пушкина, только застрелился он от хорошей жизни. Какое, с другой стороны, дело мне до него, если я Пригожаева обескулачил? Ни Советскую власть, ни банк в обиду не дам! Я служить начал еще когда у бабки на Воскресенской комнаты снимали. Сейчас-то банк преобразился: и в городе, и целый дом занимаем, и капиталоборот сумасшедший, уж к миллиону идет! В общем, дорогой мой друг, растет наша Советская власть! Так и вижу, как отделения у банков появляются на каждой улице в городе, и у каждого, у каждого товарища есть свой вклад в одном большом банке для блага государства!

Глава 2

Дениса разбудил звонок в дверь. Настоячивая музыка то ли Баха, то ли Брамса, как сказал продавец в магазине, прорвалась в блаженное состояние покоя. Он поплелся к двери. В глазке виднелась мама в своей любимой соболиной шапке. Она имела привычку, возвращаясь с ночных сестринских смен, забегать с пакетом свежего молока.

– Умеешь же ты долго спать, сынок, – обняла она его и поцеловала в макушку.

Их разнили примерно полголовы, причем, не в пользу Дениса. Мама всегда шутила, что родилась баскетболисткой, а стала нянькой. Денис же пошел в отца, и они оба смотрели на нее снизу вверх. Вот и сейчас он поднимался на цыпочки, чтобы дотянуться до щеки и внезапно отпрянул. Мама увидела в его глазах растерянность. Это все свитер, который она купила по совету Леки. Чувствовала же, что ткань синтетика, нет, уговорила подружка. Теперь потеет как слон, а ночь была не из легких. Небось запах почувствовал. И она инстинктивно отошла на шаг назад. Денис же постарался незаметно оглядеть комнату. Илья дремал, развалившись в кресле-мешке, будто бы не слышал душераздирающего звонка и голосов. Голова прижата к груди, руки заложены за голову, губы сложены в узкую полоску. Мечтатель, блин. Сейчас мама заметит... Но она прошла в кухню, бросив пакет на стол.

– Никогда не перестану удивляться идиотизму этой планировки, – сказала она, выкладывая продукты.

Была видна бутылка молока, явно деревенского, судя по пластиковой бутылке из –под кваса. У них на работе привозила иногда тетка одна, мама сразу же и брала Денису, который очень любил кофе с молоком. Что еще успела купить? Кусок сыра, хлеб, яблок пакет. Илья всхрипнул и выкинул руки перед собой. Мама не отреагировала. Она рассказывала про пациента с ножом в боку, которому жена еще и в челюсть двинула по приезду, за пьянство. Она выложила все продукты и теперь перемещала их по холодильнику, явно не замечая гостя. Денис с каждой секундой все острее ощущал нелепость ситуации. Как в «Привидении», час-слово! Только он видит Суэйзи⁵, а мама – нет. Значит, все-таки галлюцинация. Перестав слушать мамино воркование, Денис углубился в мрачные мысли. Надо записываться к неврологу, наверное. Это усталость. Да, усталость. Или сходить сразу к платному психиатру? Снова глянул на дремлющего Илью и стал вспоминать, где ближайшая больница. И в этот момент, доставая бананы с верхней полки, мама задела банку огурцов. С возмущенным хрустом рухнула банка на пол, распространив терпкий запах.

– Опять революция, что ли? – подскочил Илья, – ого, какая мадама, мое почтение!

И он деловито расшаркался. Мама побледнела. Она внимательно смотрела на Илью, и лицо ее выражало обеспокоенность, близкую к отвращению.

– Денис, ты завел собаку? Ты с ума сошел! Что скажет хозяин! Собаки же такие грязные, вечно несут с улицы всякую инфекцию. Помнишь, как Лидия Ивановна слегла с кишечкой? Это же Рыжик тогда ей принес, на помойке вечно рылся.

Денис ухмыльнулся, вспомнив, с какой радостью он узнал о болезни противной бабки, которая вечно обзывала его «шаромыжником» за джинсы. Он удержался и не добавил, что расстройство она вполне могла заработать тем, что не любила мыть продукты. Весь двор знал, что, купив на рынке любимый виноград, она отщипывала пару штук едва завернув за угол. Илья, тем временем, закипал.

– Нет, ну что вы за паскуды эдакие? Человек отсыпался, можно сказать, а вы тут шум устроили. Не товарищи ни разу. Я в ванную. И не вздумайте ко мне ломиться!

⁵ Денис вспомнил фильм «Привидение» с Деми Мур и Патриком Суэйзи, который покорила весь мир в 1990 году.

Мама то зеленела, то бледнела. Она никак не могла осознать, что у ее сына появилась другая.

– Где ты взял его? Лает, что аж уши закладывает, – спросила мама.

Денис слышал доносившийся с улицы спор девчонок, игравших в классики. Мозг работал лихорадочно. Если она его тоже видит, значит, не галлюцинация. Но почему в виде собаки? И какой собаки? Как спросить? Мама чувствует любую ложь, она сразу поймет неладное.

Мама же внимательно глядела на него, сдувая со лба давно некрашенную желтую челку. Она вся немного сжалась, стараясь не смотреть на то место, где еще недавно была собака. Боже упаси завести такую! Если уж на то пошло, собака должна быть большой, чтобы в случае чего могла и защитить. Мерзкая пузатая мелочь, кой от нее толк, кроме грязи? Она, медсестра с тридцатилетним стажем и не подумала бы. Но дети... Они совсем другие. Дениска давно вырос и сам принимает решения. Нет, кот еще куда ни шло, но собака... А ведь он собирался поехать в отпуск. На кого оставит? Конечно же, на нее.

Был у ее родителей пес в свое время. Она, четырехлетка, всей безразмерной детской душой обожала волкодава, и он отвечал взаимностью. Иногда, глядя на кавказцев, она вспоминала пегий длинный хвост и шрам на правом боку от боя с дворовыми собаками. В квартире, выстроенной дурацким способом под названием «трамвай», она ездила на нем по целым дням. Бабушка качала головой, говорила, что такого пса надо держать на привязи. Но разве Грэй удержишь? Не пускали ее только, когда кормили его в кухне. Она стояла за дверью и слышала жестяной звук миски, которую вазюкало по полу. Ей хотелось заглянуть туда и насладиться чавкающим таинством. И, когда ее мама пошла открывать дверь почтальону, она вломилась в кухню, потянув руки к довольной морде. В мгновение ее дернули за шкуру назад, а пес кинулся на то место, где она только что была, клацнув зубами. Глаза сверкнули желтым, и он обнажил красные десны, но под грозным «Нельзя!» -таки вернулся к миске. «Когда собака ест, не тронь!» – ругала ее испуганная мама. Больше Ирочка собакам не доверяла. Она так и не смогла понять, почему любовь Грэя не распространялась на еду.

– Мам, Веня собаку притащил, – жалко блеял Денис, зная, как неправдоподобно выглядит. – Нашел его у подъезда, видать, потерялся. Я объявления расклеил. Уверен, хозяин найдется. Конечно, я бы не завел собаку, не посоветовавшись, как ты вообще могла обо мне такое подумать!

– Ты не боишься, что он провода от машинки перегрызет? Зачем вообще разрешать собаке играть в ванной? – обеспокоенно наседала мама, слыша возню в ванной. Денис молил небо лишь о том, чтобы этому придурку не пришлось в голову кран открыть.

Расстроенная вконец, она начала собираться под предлогом усталости после дежурства. Она уже забыла, что пришла рассказать Денису о странном письме. За ночь она столько раз перечитывала его, заглядывая на почту в телефоне.

«from: krep-georgette@mail.ru

Where: chistotairina@inbox.ru

Привет, Иришка.

Думаешь, правильно организовала свою жизнь?

Уверена, что ты неправа.

Слишком наивная.

Пересмотри жизнь.»

В почту она заглядывала нечасто, раз в неделю примерно. Интернет благодаря Дениске она освоила давно, но кто может писать ей на почту? Обычный спам от «ленты» или новости о заказах в «avon». Двадцать пять новых писем. Ну, естественно, скидки от купон.ру и новости об акциях в s7, которыми она раз слетала на конференцию медсестер в Казани. И между ними письма от одного и того же отправителя с бесконечными Fwd: Fwd: общим количеством двадцать. По четыре на день. Первая мысль, которая пришла в голову: Володя. Изменил, нашел

другую, которую жжет, что он не уходит насовсем. Несмотря на годы, брюшко и залысины на висках, он остался одурающе красивым. Седеющие усы в сочетании с хорошо подвешенным языком скрывали его домашнюю лень, и женщины, знакомясь с ним, попадали под обаяние. Но всерьез увлечься кем-то и пойти на связь? Это не в характере мужа. Ирина изучила его и знала, что на поступок он не способен. Купить женщине цветы и выбрать чистые носки – это уже поступок. Было еще несколько мыслей, но пережевывать их в одиночку она не могла. Нужно было обсудить их. Набрала телефон Леки, близкой подруги. Та была на ночной смене, но обещалась поболтать после смены, вот и решила скоротать время, забежав к сыну. А тут сюрприз не лучше....

«Бери чилийское в окее акция жду».

Лека знаки в переписках не воспринимала, Ирину коробило, но подругу не переделать, не любит она телефоны. Ладно, можно собираться к ней, оставить пока Дениса в покое. Не в ее правилах навязываться, особенно, если говорить не хочет. История про собаку ей совсем не понравилось. Что-то здесь было неправильное, он лгал так очевидно, что нос покраснел. Но в чем – она никак не могла понять. Сын был не из тех, то спонтанно заведет животное, в этом он уж точно посоветовался бы с ними. Почему же она не верит в сказку о друге, который оставил пса на пару недель? Здесь, наверное, замешана девушка, решила мама. Да, девушка. Отсюда и его смущенность, и красные пятна на лице, и нервозность. Что ж, доля матери – терпеливо ждать.

Проводив резко собравшуюся после сообщения в вотсапе маму, Денис забарабанил в дверь.

– Давай выбирайся, говнюк!

Им овладела ярость. Какого, простите, черта, какой-то неопрятный хрен, появляется в его квартире, разрушает к черту отлаженную его жизнь? Работа стоит, а он возится с этой недогаллюцинацией.

– Че орешь? – мирно спросил Илья, открыв дверь.

Он сбрил бороду, обнаружив под собой пухловатые губы с отсутствующими тремя нижними зубами, отмыл сальные кудри, похожие теперь на кудряшки младенца. Денис мог поклясться, что он не слышал шума воды и бритвы, тем не менее, гостю удалось привести себя в порядок. Он гордо расправлял на себе мятую, но чистую футболку с Linkin Park, висевшую на бельевой веревке. На оголившихся руках виднелись мышцы, полученные явно не в спортзале. Илья гордо улыбнулся, явно довольный собой, и тут Денис со всей дури пнул его.

– Вали из моего дома, – заорал он.

Сморщившись, Илья потер ногу. Он ничего не ответил и не кинулся в ответную атаку, как того ожидал Денис. Всем своим видом он больше напоминал в эту минуту обиженного котенка, лицо сморщилось, а по подбородку, казалось, вот-вот потекут слезы. Почему-то враз расхотелось скандалить, и Денис устало присел на диван.

– Давай кофейку выпьем, я тут ночью разобрался, как работает, щас сварю мигом, – еще дрожа губами, сказал Илья. В голосе слышалась едва сдерживаемая обида, и Денис удивился, что тот игнорирует случившееся.

– В чем еще ты разобрался, пока я спал? – спросил он, еще не отойдя от вспышки.

Вообще-то он не был агрессивным и сторонился конфликтов, но стресс был слишком силен. Илья, тем временем, старался в кухне. Весьма ловко, словно бы делал это каждое утро, он включил огонь пьезозажигалкой, поставил кофеварку на огонь, открыл холодильник и толстыми шматами начал резать «дымовскую», принесенную мамой.

– Добротная штука, – кивнул он на холодильник, – правда, класть было бы нечего особо, разве что картошку хранить да траву морозить. Кстати. Первый совет на службе моей для тебя, – он махнул ножом в сторону ноутбука, – ответь девушке. Пригодится.

Денис глянул на часы и рванул включать бук – десять утра, он пропустил время выпуска нового поста! Он уже час как должен висеть, к началу утренней программы о сегодняшнем дне. Редактор его отпежит! И черт бы с ним, если отпежил, так еще и уволит! Вчера в кофейне он прозанимался разработкой эскиза к майскому проекту и решил, что пост сделает вечером. Ха-ха, вечером! Придется работать штампами. Денис этого не любил, ему нравилось придумывать что-то свое, собственно, за это и взял его главред. Тырить готовые копипасты – дело нехитрое и весьма распространенное. Давно уже забыты времена, когда за первую публикацию новости можно было заработать миллион долларов. Мириады новостных псевдопорталов настолько быстро подхватывают это к себе, что и думать нечего, чтоб разобраться – а кто. Разве что тебя застрелят на месте, и ты прославишься убитым журналистом. У рекламщиков также. Мало-мальские приличные идеи, шутки, картинки – все уже разобрано. Можешь работать и верить, что тебя заметят, можешь не морочиться. Так и поступает абсолютное большинство, предпочитая высвобождать время за счет лениво потыренного. Денису претило это, но сегодня делать нечего, вотсап явно уже забит матами от редактора, читать не хочется. Так, сегодня по графику Китайский новый год. Погуглим... О! «В Китае задержана секта, последователи которой верят, что Иисус жил в теле китайской женщины.» Чудесно, сказал себе Денис.

– Кофе готов, – крикнул Илья. Он уже налил в две цветастые кружки кофе и шумно дул на ту, которую выбрал. При этом глаза его очень смешно съезжались к носу, создавая впечатление косоглазости.

– Там сливки в холодильнике, корова на упаковке, – в полузабытьи ответил Денис.

У него была такая особенность – когда он придумывал, то впадал в полудрему. И не дай Бог выйти из этого состояния – муза покидала его напрочь.

Илья поставил перед ним дымящуюся кружку. Как раз ту, что Дэну нравилась меньше всех – с котиком Китти, бывшая забыла. Отхлебнув, он поморщился, похоже, Илья бухнул туда все сливки, потому что пойло стало едва теплым и больше походило на детское какао.

Илья заинтересованно глянул на экран. Его вообще как магнитом тянуло к этой таинственной коробке, которая одним мановением руки открывала столько интересного. Показать бы Зине! Все, что хочешь, можно узнать. Интересно, а будущее она предсказывает?

– Посмотри, – попросил Денис, – как тебе?

На экране висела фотография с армией китайских женщин, а в середине был пририсован Иисус.

– Некоторые китайцы верят, что Иисус вернулся в этот мир в теле женщины, – Леня с подозрением посмотрел на Дениса и продолжил, – Пожелаем в Новом китайском году каждому мужику найти своего Исууууса, а бабам, бабам рели... леригиозного фанатика! С новым китайским годом! Ваше Шутки радио.

Смахнув коричневую каплю с футболки, Илья посмотрел Денису в глаза и сказал:

– Бога нету.

Денису стало страшно. В этой просто фразе таилось нечто большее, чем простая уверенность агностика. Словно бы этот человек для себя решил что-то раз и навсегда.

– Ну, вам это вбивали в советской России. Сейчас каждый верит во что хочет. Хоть тарелке с макаронами поклоняйся. К тому же, это шутка.

– Плохая шутка. Если, как ты говоришь, люди верят, то не стоит обижать их. Глупость. Денис вздохнул. Илья начинал ему нравиться, по крайней мере, у него был вкус.

– Мне тоже не очень нравится, но времени совсем нет. Редактор ввалит стопроц, если я не появлюсь с постом. Давай выложим и уже потом будем решать, глупость или нет. Меня на этой работе держат только потому, что я не торможу и все делаю вовремя.

Илья не спросил, что нужно куда выложить, зачем вообще этот странный текст нужен. Он чувствовал одно – с девушкой нужно пообщаться, а иностранцам писать не надо. Уже открыв было рот, он понял, что не стоит. Выбор сделан, карты брошены. Он смотрел, как ловко, по

одному шелчку этой полукруглой штуки, меняются картинки на экране. Денис вытянул губы трубочкой, что выглядело довольно забавно, и Илья подавил смешок, чтобы не отвлекать его. Он вообще был довольно озорным парнем при жизни, несмотря на работу. Наконец Дэн повернулся и заставил его прочесть: «ваша запись успешно опубликована».

– Готово, вроде?

– Что-то типа того, – улыбнулся Денис. – Так какого леса я должен ответить девочке?

– Как же это? Некультурно. Она помощи просит, разве можно отказать? – спросил Илья с убеждением человека, который всегда протянет руку.

В дверь позвонили. Чертыхаясь, Денис пошел открывать. Если опять мама, то он точно не сдаст. Но за дверью, сторбившись от утреннего принятия на грудь, стоял сосед сбоку. Он был старше Дениса всего лет на десять, но уже заверил себя, что жизнь его разрушена, и с радостью предавался прелестям свободы. Официальной жены не имел никогда, но водился попеременно то с какой-то чернявой, то с бритой башкой девкой. Как они делили постель – никому неизвестно, но, судя по стабильным появлениям, всех все устраивало. Дениса Ветров боготворил за то, что тот однажды не поленился разбудить его вечером на лавке в метель и утащил домой, где положил в горячую ванну, что спасло того от обморожений. Это, правда, не мешало приходиться к Денису то за сигаретами, то за соточкой «до премии». Денис не мог не открыть, каждый раз ощущая тоску в сердце, глядя на беззубого, нечесанного парня в спортивных штанах с полосками.

В год, когда радостный первокурсник Гольдман таскал коробки с вещами в новую квартиру, Ветров обладал возможностью ежедневно взмывать в небо за штурвалом вертолета. Он летел вдоль макушек таежных деревьев, прямо к горе, забывая о пассажирах, изредка взвизгивавших от страха. Он спускался ближе к Енисею, чтобы разглядеть бурное течение и снова резко взмывал. Любил он летать и соответствовал своей фамилии абсолютно. Он и Дэна с тогдашней подружкой успел прокатить со скидкой. Увидев вблизи черную Сопку, которая всю жизнь виднелась из дома, но казалась такой недоступной, он услышал, как в нем рванула бомба, и полностью отдался благоговению перед этой таежной красоткой, так лихо прячущейся среди остальных гор. В тот момент даже поднадоевшая подружка казалась почти мадонной, и он поцеловал ее так, что оставил на губе шрам. Эти-то минуты и вспоминал Денис, подавляя в себе скуку, когда Ветров снова садился на любимого конька и рассуждал, что не та нынче погода для полетов. Он смотрел на красные, обветренные от постоянной пьянки на улице щеки, ощущал запах изо рта, видел синяки на костяшках и ремень с давно нечищенной бляхой и спрашивал себя, осталось ли человеческое в Ветрове. Как-то не удержался и, перебив излияния о коллекторах, что хотят отобрать диван, спросил:

– Саш, а ты в небо не хочешь?

Тот посмотрел на него отупело, помолчал, а потом сказал:

– Я щас и летаю, че ты. Это полеты, бро, попроще. Там каждое утро медосмотр, все че-то требуют, хотят. Не пей, не кури, спи много, ешь. Все контролируют, даже трусы и те чтоб чистые были. А летчик – это свобода! Свобода, слышишь! Чтоб встал, полетел, включил музыку громче и вперед. Сейчас я – летаю, а раньше так, телепался. Эта, сука, так и сказала мне тогда, мол, виноватый ты, Сашок, а чем я виноват? Что он не любит летать? Надо было не садиться вообще, если нервы слабые! И вообще, умирать надо красиво, а разве в воздухе некрасиво? Кто бы вспомнил, если бы у него сердце в туалете остановилось? А так – в полете!

Больше Денис не задавал вопросов, только, как сейчас, смотрел, сощурившись, словно бы пытался воскресить в памяти того, другого. Не дожидаясь приглашения, Ветров зашел в коридор, привнес запах немывтого тела и чего-то приторного.

– День, я это.... За сигаретами пришел. Ларьки закрыты уже, – выдал он обычную легенду.

Закрты, нно. В половину одиннадцатого утра. Денис сунул руку в этажерку с обувью, где у него была заныкана специальная пачка, и достал несколько штук. Сам он не курил, еще и «Альянс», но, если отказать в сигарете, тот просил денег. Целиком пачку тоже никогда не отдавал – Ветров обладал удивительной способностью расцыганить сигареты, едва выйдя во двор.

– Какой добрый товарищ! Отличный бы коммунист из тебя получился, поживи ты в мои года. Только втолкуй мне, на хрена ты алкашу в руки даешь оружие? Сдай его, куда положено и дело с концом, – посоветовал Илья, до сей пор пристально изучавший незваного соседа.

Ветров вытаращил глаза, и отпрянул к двери. Выставив вперед руки, он забормотал:

– Так вот чья шавка все утро твякает, что уши заложило. Сосед, не ждал от тебя. Баба тебя, что ли, заставила эдакую шавку взять?

– Кто шавка? Кто шавка? – разъярился Илья, – да за такой базар я могу и...

– Стоп! Ну-ка успокойся! – рявкнул на него Дэн.

– Да он меня почти вором⁶ обозвал! А кого, а чего, есть доказать? Так пусть отвечает тогда! Нашел сявку! – бесновался Илья.

Ветров, все это время испуганно пятившийся от собачки, не выдержал и умотал на площадку, позабыв про сигареты.

– И не бухай с утра, а то сдам, куда положено! – добавил Илья и, гордо развернувшись, пошел в кухню.

Денис покачал головой – цирк цирком. То ли шарик за ролики едут, то ли ФСБшники за скорой гоняются...

⁶ В словаре русского арго «шавка» значит как «доносчик», «мелкий вор». Так что Илья имеет полное право свернуть обидчику нос.

Из дневника И.Б.

Здравствуй, дорогой мой дневник.

Сегодня делать дела не очень получается, посему, прикрывшись сведением счетов, пишу тебе. Утром проводили на пароход одного из Зинаидиных учеников. Способный мальчик, везде с карандашом ходил, часто просил Зину еще задачек набросать. Семья только у него не из благополучных. Все, что зарабатывали, прятали, как могли. А когда пришли в колхоз собирать вещи, председатель мне сказал, у них в доме пусто, шаром покати. Даже корову и ту продали. Деньги будто бы сдали уже, тут уж не проверишь. Это пока наша большая беда – несогласованность. Одна рука хлеб сеет, вторая уже собрала семена. Так что у них остались деньги или унес кто – доподлинно неизвестно. Выслали же их вот по какой причине: отказались они картошку сажать. Отец семейства согласился, кажется, головой кивал, когда ему поясняли за благополучие новой России, в которой каждый должен заботиться о ближнем, а ни миллиметра земли не вскопал. Вскрылось вот, по рейдам, семей десять собрали в путь. То ли на севера, то ли в Бобруйск. Зина уж очень убивалась по нему, уговаривала продолжать учиться, но уперся. Говорит, семье он нужнее. Зина ему на прощанье переписала стихов Хлебникова, он очень любил их. Особенно про заклятие смехом:

«О, рассмешиц надсмеяльных – смех усмейных смехачей!

О, иссмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!»⁷

Поражаюсь я Зине, конечно. Где только берет этих писателей? В нашей-то Сибири хрен достанешь новых. Не зря петроградская, ясная моя..

⁷ Стихотворение Велимира Хлебникова «Заклятие смехом», 1908-1909 гг. Орфография, пунктуация и юксюморны сохранены.

Глава 3

На берегу ледяной реки, спрятавшись за резной аркой от шумов центра города, много лет существует святая земля. На ней преклонил голову свою великий командор, утомленный битвами. Оплакана эта земля морем слез молодой испанки, так никогда и не познавшей своего счастья. Омолена молитвами собора Воскресенского да жизнями домов местных. Ныне разрушено все, на месте его рояль стоит.

Красив рояль, ничего не скажешь. Огромный, со всех концов города видать, со стеклянным коридором – куполом. Музыка в нем приятная звучит, как собору положенная. И памятник воткнули рядышком командору, ибо не найти среди припаркованных машин да кофейных лавок могилу его. Не стереть из нашей памяти время революционное, но революционеры потеряли память нашу успешнее некуда. Кто вспомнит сейчас про собор, кто даст согласие на раскопки на площади ради тридцати домов да захоронений? А сколько их по России, втоптаных в грязь людских вер, религий, традиций? Унесено все в пользу революции то красными, то белыми, сейчас уж и не скажешь, кем. Кто прав был? И это не суть, поиск виновных память не восстановит.

– Господин Шэнь, прикажете подавать чай?

– Принеси кипяток, я заварю сам.

– Закуски?

– Ты задаешь этот вопрос на протяжении шести лет. Если они не потребуются, я упомяну отдельно.

– Хорошо, Господин.

Он поклонился и ушел. Сколько ни учи – китайцем он не станет, без раздражения подумал Шэнь. Ни стрижка горшком, ни кольцо в левом ухе, ни миниатюрность не приближали его к идеалу слуги. Но Шэнь держал его, потому что он был хорошей нянькой сыну.

Иван появился в его доме во время печальных событий. Жена Шэня накануне собрала вещи и отправилась искать новой жизни, а у него на руках остался двухлетний малыш. Найденная экстренно нянька в растерянности пыталась читать ему сказку и играть в ладушки, но Роман исходился криком и накрывался одеялом, прячась в кроватке. Шэнь как раз пытался уговорить его сходить в туалет и покинуть ради этого свое убежище, когда по лестнице, услышав истошные крики, поднялся Иван. Он тогда был чуть толще, и прятал свои красные щеки за длинными волосами. Разноцветная негритянская шапка была украшена колокольчиками, и он потряс головой. Крики стихли. Он потряс шапкой еще раз, вызвав мелодичное позвякивание. Спустя минуту из одеяла сверкнули два глаза. Нимало не стесняясь присутствующих, Иван громко сказал:

– Эй, можешь лежать в кровати сколько угодно, и писать туда столько же. Хочешь, я дам тебе шоколадного молока? Говорят, это помогает надудонить целую лужу.

Шэнь резко повернулся к Ивану. Лицо его отражало гнев. Как посмел ты, низший, обратиться к сыну моему? Из полуопущенных век, которые придавали лицу высокомерно-усталое выражение, летели стрелы. Да что возомнил о себе этот слуга? Обратиться к его сыну без разрешения? Шэнь решил, что немедленно выгонит его вон, забыв о том, что Иван пришел лишь устраиваться на работу водителем. Но тут случилось то, что изменило его намерения. Роман спустился. Прошлепав мимо отца босыми пятками, он ткнул пальцами в Ивана и заявил:

– Сикать иди хочет!

– Сикают девочки, а мальчики писают, – засмеявшись, ответил Иван и вытащил малыша из кровати, посадив на шею.

Там Роман и остался, и Шэню пришлось искать другого водителя. Сын, проявляя его, шэневский характер, не признавал нянь и оставался только с Иваном. Со временем Рома пере-

стал так сильно нуждаться в Иване, и Шэнь стал пользоваться его услугами, как личного слуги. Ему нравился парень – молчаливый, рассудительный, не лезет, куда не надо, занимается его сыном. Но не в его привычках было баловать прислугу, поэтому он по-прежнему был суров в обращении, что, впрочем, не мешало ему оплачивать семье Ивана многочисленные долги.

Шэнь сидел на крыше рояля, всматриваясь в голубые горы, отражавшие и отражавшиеся в великой реке. Люди казались мелкими, высота делала их движущимися точками, сиюминутной мошкой, беснующейся в полете. Ему нравилось приходить сюда и пить в одиночестве чай с вялеными помидорами. Он представлял себе Китай – великий и далекий, который полюбил всю душу. Иногда он брал томики стихов и воображал, что понимает их.

«Какая тяжесть на душе, как горько я тоскую!

Давай отправимся с тобой на радость в дальний путь.

Взойдем навстречу облакам на башню смотровую,

Чтоб на узорный павильон издалика взглянуть.

Убором зелени густой оделась даль лесная,

Туман редеющий поплыл клубами вдоль реки.

Шевелит лотосов ростки рыбешка озорная.

Пропали птицы, и цветы роняют лепестки.

Благоуханного вина не наливай мне в чашу.

Смотрю на цепи синих гор, и ничего нет краше!», Се Тяо.

Пробежав глазами знакомые строки, он оставил книгу и залил прозрачный чайник кипятком. Вкуснее всего листья раскрываются в плоском чугунном, но Шэнь предпочитал стекло. Ему нравилось наблюдать за тем, как жухлые, скукоженные листья, опалившись водой, в мгновение становятся блестяще-зелеными. Являя миру свою красу, они каждый раз напоминали Шэню, что расшевелить человеческое существо может только опасность, драйв, адреналин. По вантовому мосту неспешно шли люди. У берега, он не видел, но знал, плавали жирные утки, которых кормили те самые, что спускались с моста. Хлопали в ладоши, когда зеленоголовые селезни подплывали ближе, смеялись над дерущимися за кусок хлеба. А если бы их закрыть на этом самом мосту с этими самыми утками? Сколько потребовалось бы времени, чтобы развлечение превратилось в необходимую еду? И кто оказался бы самым кровожадным?

– Папа, когда мы поедим домой? У меня вечером скайп с англичанами, а я еще не писал ничего. И надо заехать в dhl.

Услышав этот голос, Шэнь, как всегда, улыбнулся уголками губ. Единственный в мире человек, который им распоряжается. Оглянувшись, он в который раз удивился, как в мать удался Роман: высокий не по своим годам, уже выше всех в классе. Пока еще в нем не заговорил подросток, он серьезен и идет к цели. Собрался стать дипломатом – последствия прошлогодней поездки в Европу. Шэнь какое-то время пытался настаивать на изучении китайского наряду с остальным, но сын сообщил, что пока в планах английский, потом, возможно, японский. Переубедить его, как и Шэня, обычно бесполезно.

– Что на этот раз ты решил освоить? – спросил он, впрочем, не вставая.

Чай должен быть выпит сразу, пока листья свежи. И сразу вторую заварку. Первый кипяток раскрывает, второй смывает молодость, насыщает опытом. Третий – делает чай свободным.

– Думаю на тайский бокс походить. Плечи слабоваты. Тренера уже присмотрел, заказал грушу, перчатки. Тебе, кстати, новые очки для плавания, – добавил Рома, – у твоих уже резинка слабовата.

Он положил отцу на плечо руку и вдохнул свежего ветерка, гулявшего по крыше. Как и отец, он любил это место. Он любил одиночество и покой и, если бы не социализация, то и учился бы с репетиторами. Но Иван сказал ему, что дипломаты обязаны уметь общаться с людьми, и Роман высидивал по 7 часов с напыщенными одноклассниками. Он предпочел бы школу попроще, где не придавали бы такое большое значение значку крокодила на рубашке и новой модели смартфона, но отец считал по-другому. А его решение не оспаривается. Помимо школы у Романа было много увлечений. Нет, даже точнее сказать, много метаний. Он быстро загорался и быстро остывал. Частенько еще до того, как дорогостоящее обычно оборудование для хобби доставлял курьер. Шэнь смотрел на это сквозь пальцы, считая, что «нужно пробовать все». Возможно, мать могла бы приучить его к усидчивости, но ее он не помнил и не страдал. Дома у них не было фотографий, отец не упоминал о ней, а Рома и не интересовался. В его жизни был Иван. Два года назад отец устроил им встречу в Италии. Привел его к фонтану Треви и велел подождать, купив *artigianale con mango*⁸. «Ты Рома?», – щурясь от августовского солнца, обратилась к нему женщина. На ней были огромные очки с леопардовой дужкой, красный сарафан, не удерживавший большую грудь и широкополая соломенная шляпа. «Будто от слезки прячется», – подумал тогда он. Он огляделся, но рядом сидели только две китайские девочки. Август для Рима – поры вымирания. Безумная жара, местные разъезжаются в отпуск, а туристы не вывозят раскаленного камня в городе. Мама купила ему в *gelato artigianale* два шарика с сыром и голубикой, себе – клубничного, хотя он уже и не хотел мороженого, а с удовольствием выпил бы лимонада. Они почти не разговаривали.

Чего она ожидала через годы разлуки? Что мальчик кинется ей в объятия, а она почувствует, как сердце развалилось на тысячи куском? Она ожидала, что будет плакать от счастья, потому и не красила глаза, спрятав их за очками. Ожидала, что глаза, которые, как она помнила, были цвета неба, расширятся от переполняющих чувств. Они трансформировались, переродились. Стали карими, шэневскими. Перед ней сидел строгий худой юноша, несмело рассказывающий, что сдал на сертификат на симуляторе AN-24, катается на горных лыжах и любит пепси. О себе рассказала скупое: замужем за немцем, живут здесь по работе, полуторогодовалый сынишка. Она представляла себе, как он вспыхнет при упоминании брата, а она покажет ему Авентин⁹, не только ведь Колизей есть в вечном городе! Расставались они с чувством взаимного недоумения. Рома так и не понял, чего хотела эта женщина, а мать не поняла, куда делся ее сын. И, хотя, сжимая его в некрепком объятии, она умоляла его не теряться, побоялась ответить на его открытку к Новому году. Ни к чему это – бороздить прошлое, из которого не прорастает будущее.

Роман спросил у Ивана, почему так произошло. Они приехали в обувной, чтобы найти удобную сменку к школе, а вокруг кипишились такие же будущие школьники с уставшими от проводов во взрослое мамочками. Рома долго изучающе разглядывал женщину, чем-то смутно напомнившую мать. Кажется, у нее тоже был кулон, такой, еще нелепый, в форме жучка или птички. Сын ее удобно оперевшись локтем на стойку с туфлями, пялился в телефон, а она таскала ему коробки, примеряя то одну, то другую пару. Нацепив на широкую не по возрасту ногу очередные лакированные, она отходила, приглядываясь, как художник, к деталям кар-

⁸ Вкуснейшее итальянское мороженое с манго, которое делают вручную. Лучше искать вывески «artigianale», велик шанс влюбиться в местное мороженое раз и навсегда.

⁹ Авентин – района Рима.

тины и, качнув кулоном, снова снимала. Тогда-то он и задал вопрос, вертевшийся на языке все время после встречи с матерью. В голове, конечно, формулировал, но вслух вырвалось: «Почему так? Почему у моей мамы не так?». Иван посмотрел внимательно на своего маленького друга, жадно наблюдавшего за попытками той привлечь внимание сына и, подавив вздох, философски ответил: «Жизнь. Никто не виноват». Не умеет он красиво объяснять, это лучше хозяину поручить. Ему проще сделать, чем прочесть лекцию. Роман приехал домой бледный, с блестящими глазами. Сказал отцу, что больше не хочет вестей от матери и, по возможности, новую мать он тоже не хочет. Вдвоем хорошо. Иван есть, если что. Шэнь покачал головой, но обещание дал. В конце концов, ему необязательно знать некоторые вещи. Как бы там ни было, он – его первенец, любимец, наследник. Как решил, так и будет. Если нужно оставаться неженатым, чтобы губы не синели от закусывания, будем выполнять. И он отмахнулся от Ивана, предлагавшего в пику сыну жениться и найти хорошую, ласковую женщину.

– Сверни направо, – указал Рома водителю на коричневую пятиэтажку, первый этаж которой был занят офисом «Пегатуристик», и уже отцу, ласковее, – я быстро.

Выскочив из машины, он вбежал в одну из дверей, на которых не были видны вывески. Пока водитель пытался поудобнее припарковать паджеро, Шэнь равнодушно смотрел на вереницу машин. Хорошо хоть, виадук построили, все побыстрее стало без перехода, но развязку бы сделать, а то вечно в пробке...

Завибрировало сиденье, и Шэнь увидел, что сын оставил мобильник. На экране высветилось уведомление: «Новая публикация на канале «шутки-радио». С Китайским Новым годом вас, друзья!» Ох, и вправду, он ведь совсем забыл с этим новым проектом поздравить самого главного человека! Он уже сунул руку в карман, но, поддавшись любопытству, все-таки открыл сообщение. С фотографии на него смотрели довольные девушки в очках. Все они держали в руках фонарики, карты, свечи. Он невольно улыбнулся, вспоминая свой последний Новый год в его кругу. Там тоже было полно красного цвета. А потом Шэнь прочел подпись.

– Иван, послушай. «По последним данным, китайцы верят, что Иисус вернулся в этот мир в теле женщины. Пожелаем в новом году каждому мужику встретить своего Иисуса, а бабам – религиозного фанатика. С Новым китайским! Ваше шутки-радио». Ничего себе шутки! Прямое оскорбление народу. И когда? В один из светлых праздников. Посмотрел бы я на этих шутников, когда китайцы сочинили бы что-то подобное про нас!

Привыкнув к тому, что босс лишь считает себя спокойным, как истинный восточный человек, Иван молчал, переживая бурю. Он не стал говорить ему, что не стоит искать в чужом телефоне то, что тебя не устроит. И уж совсем глупо воспринимать всерьез соцсети. Сам он ничего оскорбительного не услышал, но знал, как трепетно отношение Шэня к китайцам, поэтому лишь подумал то, что он подумал. Вместо этого он кивнул и уставился на белоснежную тойоту, безуспешно пытающуюся повернуть через поток машин.

– Пап, ты чего в моем телефоне потерял? – сунулась в окно голова Романа.

– Наслаждаюсь русским юмором, -ледяным тоном ответил Шэнь.

Он закрыл гнев, как заслон у печи, но чувствовал, как тот клокочет внутри. Сын бухнулся на сиденье, выхватил у него из рук самсунг в зеленом чехле и уставился на экран. Через пару секунд изучения он захихикал. В гнев Шэня как дров подбросили, но попало водителю.

– Долго мы будем ждать, пока кто-нибудь не врежется в нас?

Переулок был довольно узкий, и машина на аварийке здесь мешала проезжающим, рискуя получить царапину. Водители, ворча, объезжали их.. Конечно, Шэню было бы плевать, и инспекторов бы ждать не стал, но однажды ему попалась жутко въедливая баба, отказавшаяся решать вопрос «на месте», и Ивана с водителем пришлось оставлять дожидаться ГАИ. А такси Шэнь ой как не любил. Он почувствовал, как сын легонько толкает его в бок.

– Пааап. А пап. Ты чего?

– Прочел поздравление с Новым годом.

Шэнь смотрел на разводы грязи передней машины. Он и сам не мог бы объяснить себе, почему его так всколыхнула эта шутка.

– Ну чего ты разозлился? – прислонился к нему Роман. – Картинка как картинка. У них всегда такое, вряд ли они хотели оскорбить китайцев.

– И давно ты увлекаешься подобным юмором? – спросил Шэнь.

Ему было неприятно, что сын не разделяет его мнения. Он и не подозревал, что Роман ценит ширпотреб. И это после стольких прочтенных легенд и книг! Воспитание, все воспитание. Собирался же он нанять для него настоящего китайского учителя.

– Да просто в классе все обсуждают это радио, «шутки-радио». Решил послушать разок, понравилось. Подписался на их паблик в инста, иногда смешно. Мы часто на переменах смеемся, там про школу бывает!

– Вода спала – камни обнажились, – проговорил, откинувшись на сиденье, Шэнь.

Усмехаясь, Иван поглядывал в зеркало. Его хозяин все время забывал, что сыну лишь восемь. Требовать от малыша мудрости он, конечно, может, но не вправе лишать его духа братства. Мал он еще для взращивания личности. Вот хозяин вышел, не хлопнув, как всегда, дверь, а за ним побежал Ромка. Его бы обнять покрепче, да телек вместе посмотреть. Женщину бы им хорошую. Смягчить два камня, подточить их. И Иван посмотрел в зеркало, представив, что через час сзади сядет Настя, сминая в руках рюкзачок с мишкой Тедди.

Шэнь устроился на первом этаже у камина. В свое время его вполне устраивала квартира. Ему удалось купить двухэтажную, с видом на реку, целиком состоящую из раритетов и плохой проводки, но там было уютно. Жена однако настаивала на переезде за город «для здоровья ребенка», и он уступил ее капризу, отстроив там особняк. Первое время он редко посещал сосны, предпочитая шумный город и квартиру, но постепенно привык. В гостиной он поставил друг против друга два роскошных дивана, оббитых шелком цвета серебра, а ансамбль дополнили кресла из цельного дуба. Низенький длинный столик, лакированный до прозрачности напоминал ему реку, и он часами мог всматриваться в поверхность, игнорируя огонь в камине. Пока Роман подрастал, успел разбить несколько китайских ваз и статуэток, но две огромные, с персиковыми цветками, еще стояли по углам. Наверху были спальни Ивана, Ромы и в самом конце – Шэня. Разумеется, каждый обставлял по своему вкусу, поэтому Китай чувствовался лишь среди красных простыней, птичьего панно и приглушенных тонов. Иван предпочитал спартанский минимализм Японии – кровать, тумбочка и ноутбук, а у Ромы еще было дикое сочетание безвкусицы и зарождающейся личности, чему Шэнь решил не препятствовать. Плакаты с героями аниме сменяли один на другой, обои переклеивались трижды в год, из последних – с четкой, разноцветной, как у Кандинского, геометрией. Там же, под чердаком, был специально оборудованный спортзал. Чаще Шэнь спускался в подвал, к бассейну, но иногда любил вместе с Ромой час – другой пройтись по дорожке.

Роман и Иван ушли наверх, выбирать место для груши среди заставленного тренажерами спортзала и сейчас слышен был их веселый спор: «давай в углу, там и дырка есть уже, потом остынешь когда, хоть спотыкаться не будем», – это, конечно, благоразумный Иван, храни его силы, уговаривает Романа. «Ты в меня не веришь, да? Думаешь, брошу, как лыжи? Нет, бокс – это не лыжи! Бокс сделает меня сильным, я смогу драться. И на улицу ради этого рано вставать не надо!», – «Ах, ты, лентяй!».

Шэнь вдруг подумал, что с ним сын никогда не бывает таким задорным и откровенным. В их диалогах всегда ощущалась некая напряженность. Шэнь стремился указать сыну правильный путь, а Роман стремился ему соответствовать, порой придавливая свои чувства, порой откровенно привирая, лишь бы в глазах отца не вспыхнул презрительный огонек. Рома хорошо запомнил, как этот огонек вспыхнул. Долгое время в школе он не мог привыкнуть к тому, что нужно все делать по часам. Отец никогда не заставлял Романа следовать времени, и тот просто не мог управиться со всеми пятиминутками, сорокаминутками и большими переменами.

В очередной раз, когда он опоздал на урок, получив справедливый нагоняй от учительницы, душа не выдержала. Он пересел на заднюю парту и начал разрисовывать ее ручкой, скрывая за этим дрожащую губу и страстное желание расплакаться.

– Э, ты рисовать будешь, а мне стирать? – услышал он возмущенный шепот спереди.

Это был Ильдар, самый высокий из его одноклассников парень. Форму по размеру ему еще не пошили, и он носил белую рубашку с брюками, выгодно отличаясь от остальных. Роман завидовал его длинным волосам, которые он собирал в гульку на голове. Учительница, правда, несколько раз уже предложила сбрить, но отец Ильдара был против. А его папа любит короткие стрижки...

Мальчишеская дружба завязывается быстро и накрепко, поэтому уже через пару дней Ильдар гонял Романа, чтобы тот успевал вовремя. Ивану оставалось только ухмыляться, видя, как его воспитанник выбегает из машины, стремясь на встречу рослому не по годам, чернявому парню. Они быстро обнаружили общие интересы – «Linkin Park», «Call of duty» и, неделю пробившись по онлайн, решили, что надо уже объединиться. Привыкший к свободе, Роман позвал друга в гости, и Иван с поварихой только посмеивались на возгласы мальчишек, в которых они ругали друг друга за нерасторопность. А потом пришел отец. Он вошел в комнату, как обычно, без звука. Два мальчишки в креслах-мешках склонились, каждый – к своему ноутбуку и щебетали на им лишь понятном языке. Но готовая улыбка радости за сына вспорхнула испуганной птицей. Он разглядел, С КЕМ его сын.

– Папа, Ильдар такой классный! Только он тебя стесняется! Почему ты не настоял, чтобы он остался у нас поужинать? Сегодня же утиные шейки! – сыпал вопросами Роман, перебивая сам себя. Он был еще слишком мал, чтобы почувствовать в молчании отца опасную нотку.

– Роман, я не могу настаивать, но прошу: не приглашай этого мальчика к нам в дом.

Шэнь произнес эти слова, и увидел, как вспыхнул сын.

– Почему? Почему так? Он же тебе ничего плохого не сделал!

– Этот мальчик – иной веры. Веры, которая недостойна существования. Он мусульманин, Роман.

Роме стало обидно за друга – разве он выбирал веру и родителей! Причем здесь вообще мусульманство, если он классный? И со всем пылом первой дружеской привязанности он стал защищать Ильдара. Отец молчал, складывая в четырехугольник салфетку. А потом перевел взгляд на Рому, и тот впервые увидел этот страшный огонек презрения. Презрения к глупости своего ребенка, который не понимает простых вещей о том, что такие, как Ильдар, недостойны дружбы. Адское пламя, в котором погиб Крэбб¹⁰ и то опалило бы Рому меньше. Он прервал сам себя и вышел из-за стола. Больше об Ильдаре он с отцом не заговаривал.

У него вошло в привычку советоваться с Иваном о своих планах и намерениях. Так было спокойнее. Иван никогда не осуждал, не спорил с ним. Мог только задуматься, пожеывая губу, а потом мягко сказать: «Давай господину Шэню скажем, что ты поехал на тренировки по актерскому мастерству. В конце концов, просмотр спектакля – те же тренировки». Иван знал, что сколь быстро появляется у Ромы интерес к чему-то, также он и исчезает. К примеру, горные лыжи. Собирался в Инсбруке катать, заказал экипировку именную, Иван нашел учителя с десятилетним стажем. В итоге сразу после поездки Роман спрятал лыжи подальше. Сказал, что муторно это – вставать пораньше, успевать на склон до толпы. Иван-то понял, что мальчик больше всего опасался расстроить отца неидеальными прокатами. Иных у него и не получалось, ведь только опыт здесь поможет. Рому это не убедило, и лыжи продолжали тоскливо гнить в подвале. Шэнь больше всего опасался, что мать передала сыну страсть к непостоянству. Из кувшина в чашку можно налить лишь то, что в нем было... Сейчас, оглядываясь на недолго прожитое, он удивлялся – что толкнуло их друг к другу? Он – одинокий, замкнутый, немного

¹⁰ Имеется ввиду Адское пламя из книжек про «Гарри Поттера».

тоскующий и она – бурная река, для которой остановка подобна болоту. Их расставание слишком уж предрешено было, жаль, что он не выпросил у нее еще одного ребенка. Вздохнув, Шэнь вынул смартфон и нажал вызов.

– Это я. Загляни в почту, там для тебя задание. Узнай все. Через два часа я жду информацию.

Голоса наверху стихли. Наверное, Роман делает домашние задания. Теперь, пожалуй, можно позвонить ЕМУ. Надо же, забыть о самом главном празднике. У поварахи в кухне громко работал телевизор. Шли вечерние новости. До того, как услышать в трубке решительное «Вээй!», Шэнь успел вздохнуть. Снова будут менять брусчатку в центре. Надо поручить Ивану снова арендовать вертолет.

Из дневника И.Б.

Сегодня в городе большое событие! У Некрасовых провели свет! Они вторые уже из домов, где свет будет, до этого только Телегины хвастали этим, а теперь вот и у Некрасовых. Нас с Зиной пригласили посмотреть, сын их у нее учится. Это, конечно, будущее во всей красе. В комнатах светло, только щелкни. Никакой мороки со свечами, кончились – не кончились, а светло – где душа пожелает. Только вот доставало мне у них в доме запаха свечного. С ним как-то благороднее. Телегины тоже были, поздравили их. Хозяйка-то радехонька, небось! Теперь глаза не испортишь, а не то как Зина моя вечно щурится тетрадкам.

Растет город наш, хорошеет. Нет лучшего ничего, чем чувствовать себя его частью. Одно плохо только – все раскольнее в нашей партии, нет единства. Мы с Зиной часто говорить стали об этом, что жестоки непартийцы, но и свои не менее жестоки. Закололи вот недавно вилами одну большевичку крестьяне, мол, предала она их, коров вывела к «своим». А мы чем лучше? Мы этих крестьян всех... Даже упоминать не хочется. Не будем о грустном, что это я. Праздник, свет!

Глава 4

– Да не собираюсь я тратить свое время на глупости, – раздраженно говорил Денис, вышагивая в сторону супермаркета, – итак получил от главреда за опоздание. Ты понимаешь, что для меня важна характеристика в резюме? Иначе меня не возьмут на ПРОБА, а это – моя главная цель. Что я должен, по – твоему, полдня потратить на незнакомую девчонку, выискивать для нее ошибки, чтоб она вшивую пятерочку получила?

Толстомордая тетка с усиками под губой зыркнула на них и отошла в сторону.

– Товарищ Дэн, а у вас еще остались заведения для душевнобольных? Лечебницы, – поинтересовался Илья, семена рядом, – а то, если будешь так бормотать себе под нос, сдадут, куда положено. Или, чего доброго, решат, что ты с собакой разговариваешь!

Денис буркнул:

– В этом как раз ничего удивительного и нет! Разговаривает человек по гарнитуре или с собакой – чье дело? Это там в ваши, коммунистические времена было принято соваться в чужие дела, а у нас свобода, понимаешь ли.

– Свобода... И дурацкие собаки.

Денис смотрел под ноги, стараясь, чтобы Илья не заметил, как его душит смех. «Гэл-эфон нада, купи, да», – слышался позади южный говор. «Быстро чешем, пока не всучил барахло», – шепнул Денис Илье, и рванул что есть мочи, не оглядываясь. Он терпеть не мог этих барыг и старался обходить радиорынок за километр, но сейчас был рад его появлению. Вчера вечером Ветров все-таки навестил их еще раз, тяга к курению возобладала над страхом, а девки его не явились. Он тихо поскребся в дверь, побоявшись звонить и просунул голову в щелку, выглядывая Илью. Пока Денис доставал пачку, он робко и почти шепотом сказал:

– Ты бы сказал, что псину тебе надо, я бы тебе нормального по дешевке загнал. Это ж не собака, а пародия. Таких бабам покупают. У Ленки моей была похожая, пока под машину не попала. И имя-то у них такое... матершинное... Это... – пощелкал он пальцами. Илья, внимательно вслушивающийся в разговор, напрягся, – чихуахуа.

Денис удержал серьезное лицо. Так вот, оказывается, кем предстает его новый сожитель миру! Комнатной унылой собачкой, предназначенной для лежания на диване. Проводив страждущего, он, не глядя на Илью, сел к ноуту и набрал на клавиатуре. «Чихуахуа». Гугл тут же выдал тысячи картинок, на которых был изображен большеголовый пес с мелкими зубами. С дрожью подошел Илья к экрану и с некоторой брезгливостью рассматривал изображения. Спустя минуту, заметно расстроившись, сказал:

– Могло быть и хуже, наверное. И, все-таки, я предпочел бы размер побольше.

Он хотел еще что-то добавить, но удержался. «Ладно, с ним хоть пускать будут везде, если что», – подумал Денис. Он отправился в туалет, оставив Илью наедине с изображением самого себя, а когда вернулся, увидел, что комната пуста. В кухне гостя тоже не оказалось. Денис мог бы поклясться, что входная дверь не открывалась, да нет же, и цепочка на месте.

– Может, он все-таки мне привиделся? И Ветрову тоже.

Но наутро, едва он открыл глаза, понял, что его галлюцинация вернулась. Судя по запаху, она уже сварила манку (буэ), кофе и вот сейчас трясла его с криком:

– Вставай, а то опять работу проспичь!

Честно сказать, с этим приключением работа его отошла на второй план, но Илья прав. Ответственный какой.

Завтракали они в молчании. Денис еще не вполне проснулся, но уже прикидывал, что можно написать мем к новости, что Канье Вест сотрудничает с Бибером, Илья же был чем-то заметно расстроен. Он жевал без аппетита и совсем не тронул колбасу, щедро им же порезанную. Наконец Денис заметил, что Илья даже кофе не допил.

– Мне спрашивать, что случилось, или сам расскажешь?

Илья помолчал, размешивая в кружке третий кусок сахара. Потом положил четвертый и сумрачно сказал:

– Ходил на Плац-парадную площадь. У меня там... Много связано с ней.

– Плац – парадная? – переспросил Денис, почесав лоб, – это где?

– Ну где поезда ходят сейчас.

Пожав плечами, Денис обратился к гуглу. Так и есть, подозрения подтвердились, Плац-парадная – это нынешняя Красная, давно переименованная. Он щелкнул картинку, и перед ним высветилась площадь сто лет назад. Илья из-за плеча жадно рассматривал ее. Вместо парка с фонтаном и стеллой, со всех сторон окруженного быстроедущими машинами, перед ними предстала ровная местность по которой бежали, ехали, катили люди и повозки с лошадьми. Вокруг были деревянные одноэтажные здания вроде тех, что еще оставались памятниками культуры в центре.

– И вы тут жили? – удивился Денис.

– Тут жили богатеи, площадь одна из главных же! И баня была, отменнейшая – поправил Илья, – вон-смотри, там Гадаловы вдальке виднеются. Важные были люди. И куда все делось? Коробки да машины и красный столб торчит посредине....

– Это «Штык», – Денис покопался в недрах памяти, вспоминая, кажется, класс десятый, – памятник окончанию войн.

– Аааа, – с пониманием протянул Илья. Больше он ничего не сказал, но Денису отчего-то стало жалко парня, и он предложил:

– Пойдем на Татышев? В твои времена, наверное, еще не было его? Заодно погуляем, город посмотрим. Тебе понравится!

Так они и оказались на улице, где Илья снова завел свою пластинку на тему Алисы. Они миновали рынок и настойчивых южан и пошли вдоль шумной автомобильной дороги. На той стороне громоздились унылые офисные здания, а впереди них, словно бы пытаясь улучшить настроение – многочисленные кафешки, ожидающие студентов из ближайшего универа. Илья посматривал в сторону столиков, откуда пахло чуть пригорелым шашлыком, но Денис имел другую цель. С самого Нового года он не ездил на Татку, в основном, не желая мерзнуть, и соскучился. Затерянный меж двух берегов реки кусочек земли он нежно полюбил с того дня, когда его, семилетку, закончившего первый класс с отличием, отец привез сюда на рыбалку. Они шли по тропинкам, среди густопосаженных деревьев и слушали, как шум воды перекрывает гул машин. Дениска был потрясен, узнав, что в Енисее еще водится рыба. Хоть и наловили они с отцом всего несколько окуньков, ему запомнилось это чувство – забор от всех и всего! Они и только они, никого больше. С годами цивилизация, конечно, добралась и сюда. Сначала велосипедная дорожка, затем площадки для футбола и прочих мячных игр. Последние года два шло активное строительство разных объектов вроде туалетов и зимних домиков, и Денис с меньшей охотой приезжал сюда. Перенос главной елки на остров стал последней каплей, праздник, переехавший сюда с главной площади, уничтожил остатки покоя и уединений.

Вот и сегодня, дойдя до ступенек, ведущих вниз на остров, он услышал музыку. Значит, праздник. Он попытался припомнить, что на этот раз. Ах, да. Холи. Начало весны. В феврале. Ну-ну. Неужели есть дураки, которые соглашаются измазать краской зимние вещи?

Дураки были, и довольно в большом количестве. Не меньше трех тысяч приехало повеселиться, и не последнюю роль в этом играла лотерея, в которой можно было выиграть квартиру. Алиса тоже была здесь. Ее сюда вытащили одногруппницы. Сама она подобные мероприятия предпочитала обходить стороной, но уж больно настойчиво девчонки ее уговаривали. Получив очередное сообщение в вацапе, махнула рукой на попытку дочитать Соссюра и быстро собралась. Поехали впятером: Германова с соседнего потока, любительница девчонок, Манька, сероглазая брюнетка, поступившая на филфак из-за непоступления на жур, Лена, староста и

стажерка на радио, и Гильманова. Последняя была не из их компании, но ее взяли потому, что она успела дописать конспекты для экзаменов, и необходимо было подружиться, дабы конспекты первыми приехали к ним.

Манька сказала, что приедут ее друзья с эконома, и они действительно уже поджидали их у машины с горячим кофе. Трое блестяще одетых модников. Один бритыми висками, а у двоих вычурная косая челка. Алису они вычеркнули из кандидаток на вечер, не сговариваясь. Невысокая, плотная фигурка, обтянутая джинсами клеш. Русые, не тронутые краской волосы и испуганные глаза. Такую полвечера будешь обихаживать, а потом сбежит. Алиса производила впечатление некрасивой подруги, к тому же, она очень стеснялась сальных шуточек, поэтому пряталась за девочками. Молчание же ими было истолковано как надменность, и они довольно быстро перестали ее замечать. Тем более, что остальные девочки весьма открыто кокетничали с ними. Больше всего Алису убило, что даже Германова, которой экономисты до лампочки, активно участвует в беседе. Неужели неистребимо это желание порисоваться? Она видела иногда, как Марина, разговаривая по телефону, невзначай проводит рукой по волосам, чуть повышает голос, отвечает вопросом на вопрос. Ей не нравились все эти увертки, ей казалось, что в общении мужчины и женщины все должно быть по-честному, на равных правах. Вот и спор как раз об этом – есть ли возможность у женщины стать президентом.

– Ну Германия-то живет, не расстраивается. Все у них есть, почему у нас так не может быть? Почему мы до сих пор во власти патриархата, как и десять веков назад? – горячилась Гильманова.

– Может, потому, что не родилась еще та женщина, которой под силу удержать Россию? Ты сравнила жопу с пальцем. Все Германию можно объехать по кругу за пару дней, а у нас другие масштабы, – ответил ей экономист Славик.

Разговаривая, он всю дымил вейпом, и вокруг них образовалось клубничное облачко.

– Ха. А Собчак? У нее есть и возможности, и народная любовь, и гены. Кто у нее папаша был! – авторитетно рубанула Лена. Она всегда была права. Даже когда была неправа.

– Какие гены? Лошадиные? – спросил ушастый, невнятно пробормотавший свое имя. То ли Марк, то ли Витек. Алиса не могла удержаться от смеха, когда смотрела на него. Бритые виски только подчеркивали его лопухость, и смотрелся он как кастрюлька для молока.

– Очень смешно. Поэтому у нас в стране ничего и не меняется, нам лишь бы поржать, – высокомерно сказала Гильманова.

– А, по-моему, без разницы, кто сядет на престол. Система от этого не изменится. При чем, я уверена почему-то, что коли бы уж кому-то из вас досталась бы корона, вы себя тоже не обделили бы! – сказала Манька.

– Естественно! – хохотнул третий, с тоннелями в ушах.

Алисе стало неинтересно прислушиваться, зато очень хотелось задать третьему, Диме, вопрос: как он на серьезную работу думает устраиваться с таким украшением? Это явно важнее, чем обсуждать политику, в которой они равным счетом ничего не понимают. Если бы не Манька, то и речи не было бы. Но она по-прежнему грезилась журналистикой, стремясь при этом охватить все сферы жизни, вот и затеяла псевдоумную беседу.

Алиса отвернулась от наскучившей компашки, рассматривая поляну, на которой проходил Холи. Все обозримое пространство на простирившейся вперед поляне было уставлено лавчонками с модной едой. То и дело проплывал запах плова, шашлыков, котлет для бургеров. Там, где продавали кофе в вакуумных пакетах, столпилась очередь из молодых мамаш. Еще было не поздно, но зимнее солнце собралось уходить, становилось прохладно, и многие засобирались домой. Не трогалась с места лишь молодежь. Она ждали своего хэдлайнера.

Внезапно среди людских ног глаза Алисы выхватили рыжую собачку. Уткнувшись носом в землю, она деловито обыскивала ледовые залежи, видимо, надеясь среди них, в мерзлой земле, откопать сонного суслика. Ошейника на ней не было, но потеряшкой она не выглядела.

Упитанный медный пес с белыми пятнами. Мелькая между людьми, он то пропадал, то появлялся. Сама того не заметив, Алиса двинулась за собакой. «Девушка, осторожнее, чуть ребенка не сбили», – раздраженно высказала ей мамаша в шапке с помпоном, но та и не обратила внимания. Пес был все ближе. Забыв обо всем, Алиса обруливала людей, стараясь не упустить рыжее тельце. Наконец она добежала. Замерев у места, где проглядывала голая земля, он обнюхивал пятачок. Алиса нагнулась к нему, чтобы погладить и перестала контролировать тело. Оно, вместо того, чтобы красиво осесть на корточках, рухнуло пластом прямо на лед, заставив лицо уткнуться в чьи-то кроссовки. Пару секунд Алиса любовалась буквой «N» на обуви, после чего рука ухватила ее за шкирку и подняла на ноги.

– Иногда и «тракторы» не спасают от гололеда, правда? – услышала она вежливый голос, в котором, впрочем, сквозила ехидца.

Отряхнув для начала снег с куртки и джинс, она вытерла с рук остатки грязи и только потом глянула на спасителя.

Денис заметил, что она вспыхнул. Совсем малышка, подумал он, восемнадцать – девятнадцать, не больше. Не очень-то и красивая, и бедра полноваты, на его вкус. Он любил сухих, таких, у которых кости проглядывали, а у нее и бока, кажется, торчат. Да ты что, одернул он себя, поднял со льда девчонку и тут же оценивать. Надо же, покраснела. А все-таки есть в ней какая-то теплая искорка.

– Вы... Вы меня не знаете в лицо, но я вам писала. Алиса. Филфак. Курсовая.

«Вот черт, ну как же не повезло!»

– Да-да, я прочел ваше письмо, – торопливо ответил он, стараясь скрыть тень недовольства, что мелькнула у него в первую секунду. Алиса однако уловила ее, и вспыхнула еще сильнее, на этот раз от зарождающейся обиды.

– И был так глуп, что не ответил вам... – зазвенел в ушах голос Илья

– Уймись, – бросил он и быстро продолжил, – но, знаете...

«Что я вообще перед нею оправдываюсь? Дурацкая эта привычка всегда быть вежливым с людьми».

Германова уже давно наблюдала за ними. Не ускользало от ее ревнивого взора ничего. И то, как покраснела Алиса, и явно смутился кареглазый. Как-то уж слишком виновато он оправдывался перед ней, а она смотрела с полуулыбкой поверх его головы. Германова была уверена, что так могут общаться между собой только люди, у которых есть нечто более тесное, нежели просто дружба, и она совсем отвлеклась от беседы, продолжая наблюдать. Заправив в капюшон куртки выбившиеся пряди, он достал телефон и показывал ей светящийся экран. Алиса же робко, словно боясь увидеть расчлененку, смотрела туда, и лицо теряло краски. Он будто лишал ее надежды, топил и гробил ее мечты. Германовой захотелось прокусить ему шею. Мужики не умеют чувствовать, давать тоже не умеют. Только забирать. И гогот модников с эконома сейчас только подтверждал теорию. От злости у нее разболелась голова, и она решила выпить лимонаду. В такой мороз лимонад подавали только в одной палатке, и она побрела в глубину острова, оставив трех троим. Останься еще на пару минут, Германова бы увидела, что кареглазый тоже увидел предательски дрожащие губы и что-то сказал. Одну фразу. Но она закивала с таким энтузиазмом, что уронила рюкзак.

– Пока тебя, сдёргоумка¹¹, не пнешь, хрен че сам сделаешь. Я из-за тебя яблоки в карамели не попробовал, все разобрали, – проворчал Илья.

– Я тебя, кажется, не просил о встрече с ней, – буркнул Денис, – сейчас придется по архивам шариться. И для чего? Для обыкновенной вежливости. Была бы еще симпатичная....

Он немного повысил голос, потому что группа во главе с вокалистом в чернобурке уже настраивалась.

¹¹ Сдергоумок – недоумок в данном случае. Илья любит экзальтированные ругательства.

– Вежливости! Вы тут какие-то все странные, только о себе и думаете. Как бы время не потерять. Как бы его... Как это? Сэкономить. Я читал у тебя в буке. Особенно мне понравилось «не позволяйте себе работать больше тридцати пяти часов в неделю». Не позволяйте? Seriously? А ты знал про двенадцатичасовой рабочий день? А крестьянам как? Сказать – не несись, курица, корова, не делай лепехи? Они – то не жалуются, а ты прям куда деваться! Ах, у меня нет времени, ах, я такой занятой. Вот ты, что ты делаешь в то время, когда не работаешь? Сидишь там же, где и работаешь. Ну поел. Ну помылся. Ну и че? Времени хоть отбавляй, а ты даже на танцы не сходишь! Вспоминаю себя. Встанешь утром, воды принесешь умыться, чайник поставишь. Потом до работы бежишь. Можно и лошадей взять, но это совсем уже когда опоздал. Весь день работаешь, иногда и удержишься. У меня друг женатый был, на лесопильном так он и две, и три смены мог отпахать. С семи утра и до двенадцати ночи, а? И не жаловался, говорил, приятно даже, что дети по папке соскучиться успевают.

Илья всерьез распалился. Глаза покраснели, налились кровью, губы тряслись.

– И что ты предлагаешь? Купить усадьбу, завести крепостных и пить чаек из блюдечка? – спросил Денис, пытаясь свести все в шутку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.